

*И.С. ДИСКИН,
Е.М. АВРААМОВА*

Адаптация населения и элит

(Институциональные предпосылки)

Характер процесса адаптации наиболее значим для успешного выхода из состояния кризиса, потому что именно в его ходе осуществляется "перевод" сигналов, посылаемых с макроуровня государственно-политических и социально-экономических институтов на микроуровень - к реальной деятельности населения. Именно результаты адаптации позволяют выявить истинный смысл и содержание совершающихся перемен, так как принципиально важны не декларируемые на макроуровне намерения, а социальный результат производимой трансформации, возникающий на микроуровне как итог соответствующего адаптационного "перевода". Население выступает в роли эффективного "социального критика", проверяющего на реалистичность и прочность соответствующие нормативные установления.

Прочность новых отношений, возникающих в процессе социальной адаптации, становится необходимым условием функционирования устойчивого и органичного общественного механизма, способного к социально-экономическому развитию. Социальная адаптация является также необходимым условием для формирования механизмов социальной мобильности, так как в условиях общественной неопределенности, отсутствия продуктивных моделей социального действия эти механизмы оказываются заблокированными или подменяются маргинальными или девиантными формами социального поведения.

В настоящее время сложилось некоторое общее понимание процесса адаптации как вида взаимодействия личности либо группы с общественной средой, в ходе которого согласовываются требования и ожидания его участников. Адаптация характеризует меру способности различных социально-экономических слоев и групп населения (включая и элиты) осмысленно ориентироваться в существующей социальной и хозяйственной ситуации, адекватность вырабатываемых моделей социального поведения и рациональность использования различных ресурсов для встраивания в сложившуюся хозяйственную ситуацию с целью реализации своих потребностей и интересов. Важнейший индикатор адаптации - согласование самооценок и притязаний субъекта не только с его возможностями, но и с социально-экономической реальностью.

Трансформация и понимающая экономика

Особенность адаптационного процесса в России состоит в том, что здесь приспособление к изменившимся внешним условиям происходит одновременно с наиболее острым этапом кризиса смены фундаментальных механизмов социального регули-

---

Д и с к и н Иосиф Евгеньевич - доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН.

А в р а а м о в а Елена Михайловна - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИСЭПН РАН.

рования. Это следует иметь в виду при сопоставлении результатов преобразований в нашей стране и в бывших социалистических странах Европы, где "рыночный социализм" явился существенной предпосылкой для успеха адаптационных процессов.

Формирование новых способов социального регулирования проявляется в замене механизмов, основанных на реализации предписанных извне норм и моделей поведения, механизмами, опирающимися на внутренний, индивидуальный выбор. Однако эта замена происходит безболезненно для населения. В частности, на процессы адаптации оказывает огромное влияние "кризис ценностей", еще больше усиливающий и без того высокую нестабильность социальной среды. При этом происходящие в этой среде изменения далеко не всегда учитывают адаптивные возможности населения. В таких условиях существенно возрастает значение обратных связей, механизм реализации которых также пока находится в неустойчивом состоянии.

Процессы адаптации в России протекают под огромным влиянием глубокой модификации системы ценностей и моделей социально-экономического поведения, а также социальных институтов, регулирующих социальные взаимодействия. Эти процессы идут одновременно с разрушением прежней и становлением новой институциональной среды, которые выступают как внешние по отношению к индивиду условия адаптации. Причем сама институциональная среда воспринимается значительной частью населения как враждебная. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные наших обследований: с 1993 года постоянно растет недоверие населения к властным институтам. Число "не доверяющих никому" достигло в 1995 году 83% респондентов. Это обстоятельство еще больше усиливает и без того высокую нестабильность самой внешней социальной среды¹.

Все названные процессы - смена механизмов социального регулирования, социальная адаптация и институционализация - и составляют содержание процесса социально-экономической и социально-политической трансформации. Взаимодействие и сложное взаимовлияние указанных процессов обуславливают специфику исследовательской ситуации: практически утрачивается категориальная определенность, с которой работали позитивистски ориентированные классические экономика и социология. Зыбкая, неустойчивая социальная реальность, в которой ориентации, ожидания и представления людей часто становятся более существенными факторами социально-экономического поведения, чем объективные характеристики их уровня жизни, требует выработки специфических теоретико-методологических подходов, отличных от методов позитивистской социальной науки.

Представляется, что на уровень теоретико-методологических проработок выходит новая дисциплина - *понимающая экономика*. Ее задачи можно охарактеризовать по аналогии с понимающей социологией, существующей параллельно, но в творческом диалоге с позитивистской социологией. Понимающая экономика, учитывая достижения смежных дисциплин, призвана провести анализ адекватности современной российской реальности классическим экономическим категориям и институтам. На ее основе становится возможным описание тех экономических (точнее - социально-экономических) процессов, которые составляют суть трансформации. Требуется по-новому, с более широких методологических позиций, охарактеризовать такие категории, как собственность, социальная структура общества, уровень жизни и т.д. С позиций понимающей экономики можно провести грань между целями экономических преобразований, задаваемыми как бы "извне", и путями достижения этих целей. Определение данных путей предполагает проникновение в позиции тех субъектов, которые своими социально-экономическими действиями, своей активностью пролагают дорогу реализации поставленных целей.

В силу такого подхода для выработки эффективной социально-экономической политики необходим подход, базирующийся на новых - *"понимающих"* — представлениях.

---

¹ Здесь и далее использованы данные исследований, ежегодно проводимых ИСЭПН РАН в трех российских регионах - Московской области, Нижнем Новгороде и Тамбове.

Очевидно, что этот довольно специфический подход, соединяющий собственно экономические и социологические представления, является далеко не исчерпывающим. В то же время он позволяет сконцентрировать анализ экономических процессов на характеристике институциональных преобразований.

Модели адаптационных процессов

Можно предложить несколько оснований для дифференциации адаптационных процессов, позволяющих выстроить их типологию. Прежде всего такими основаниями являются *способы осознания социально-экономической реальности*. Среди них можно выделить:

- идеолого-мифологический, предполагающий доминирующую опору на идеологемы при игнорировании результатов приобретаемого практического опыта;
- идеолого-праксеологический, связанный с преимущественной ориентацией на идеологемы, но корректируемый результатами практического опыта;
- праксеологически-рамочный, ориентирующийся на результаты приобретаемого практического опыта, укладываемого в одну из существующих идеологически оформленных рамок;
- ситуативно-прагматический, полностью опирающийся на результаты приобретаемого практического опыта без стремления к вписанию в какие-либо устойчивые идеологические рамки.

Изменения в социально-экономических ориентациях населения - яркий индикатор процесса адаптации. Эти ориентации видны на примере выбора идеальной модели развития общества. В ходе проводимых нами исследований в качестве альтернатив респондентам были предложены три модели, различающиеся в зависимости от роли государства в управлении экономикой, увязанной со степенью социальной поддержки населения (см. таблицу 1). Полученные данные показывают, что либеральная модель, на которую на первом этапе реформ ориентировался верхний эшелон власти, не пользовалась и не пользуется поддержкой населения (за исключением, возможно, некоторой части идеологической элиты). Выбор идет между социал-демократической и патерналистской моделью и совершается в пользу последней, т.е. большинство населения твердо ориентируется на государство как на ключевой институт в разрешении основных социально-экономических проблем.

Принадлежность к соответствующей доходной группе или определенное статусное положение неизбежно влияют (как видно из таблицы 2) на социальное самочувствие людей и во многом определяют их ориентацию на ту или иную модель развития страны. Из приведенных данных видно, что либеральную модель в подавляющем большинстве поддерживают люди высокообеспеченные, т.е. хорошо адаптированные социальные группы. Наоборот, "бедняки", т.е. плохо адаптированные слои, наряду с "средняками" являются сторонниками патерналистской модели. Интересно, что на социал-демократическую модель ориентируются прежде всего "средняки", хотя среди ее приверженцев значительна доля и "богатых". При этом "бедняки" не рассматривают эту модель как сколько-нибудь отвечающую их устремлениям.

Видны и те изменения в ориентациях, которые проявились за последние годы. Углубляющаяся социально-экономическая дифференциация ведет к дальнейшей поляризации общества: и "богатые", и "бедные" укрепляются в своих ориентациях на "крайние" модели и в то же время несколько падает число сторонников среднего пути.

Из приведенных данных следует, что преимущественными становятся праксеологически-рамочный или ситуативно-прагматический способы осознания реальности. Но вместе с тем среди "богатых" имеется группа, выступающая за патернализм, так же как и среди "бедных" есть лица, поддерживающие либеральную модель. Это можно считать индикатором того, что и те, и другие продолжают оставаться в рамках идеолого-мифологического способа осознания социально-экономической реальности.

Таблица 1

Выбор модели социально-экономического развития страны (в %)

Модели развития страны	1993 г.	1994 г.	1995 г.
"Либеральная": государство обеспечивает права личности и правовую защиту предпринимательской деятельности, а социальная помощь населению минимальна	3,9	7,9	5,2
"Социал-демократическая": государство регулирует определенные сектора экономики и защищает наиболее нуждающиеся слои населения	29,4	32,8	23,2
"Патерналистская": государство регулирует большую часть экономики и оказывает поддержку всем слоям населения	64,1	57,5	68,0

* В таблицу не вошли мнения респондентов, затруднившихся с ответом.

Таблица 2

Выбор модели развития страны в зависимости от субъективной оценки благосостояния (в %)

Модели развития страны	Респонденты		
	"богатые"	"средние"	"бедные"
"Либеральная"			
1994 г.	60,2	37,0	2,8
1995 г.	77,3	19,8	2,9
"Социал-демократическая"			
1994 г.	31,2	53,3	15,5
1995 г.	38,1	59,8	2,1
"Патерналистская"			
1994 г.	6,7	58,9	34,4
1995 г.	4,2	47,7	48,1

Следующим основанием для дифференциации моделей адаптационных процессов являются *способы использования социально-экономических ресурсов*. Среди таких способов можно выделить:

- эскапистский, ориентированный на отказ от использования имеющихся ресурсов в целях адаптации;
- негативный, связанный с поиском моделей и ресурсов для противостояния процессу адаптации;
- пассивный, ориентированный на использование наличных социально-экономических ресурсов ранее сложившимися способами;
- мобилизационный, связанный с выработкой новых моделей и мобилизацией имеющихся социально-экономических ресурсов;
- креативный, базирующийся на создании новых моделей и условий использования социально-экономических ресурсов.

Пытаясь выяснить, какие из перечисленных способов использования социально-экономических ресурсов являются наиболее распространенными, в ходе наших исследований мы задавали вопрос: "Как вы решаете свои экономические проблемы?". Оказалось, что 47,3% опрошенных получают доход от сада и огорода, 28,8% экономят или продают имущество, 21,5% нашли дополнительные заработки, 12,3% ничего не предпринимают, а 8,2% занялись новым для себя делом, приносящим им значительную прибыль. Наконец, 3,3% респондентов отметили, что получают доход по вкладам, а

Адаптация к новым условиям (в %)

Степень адаптированности	1994 г.	1995 г.
Сумели приспособиться	13,6	5,9
Начали приспосабливаться и надеются на успех	21,3	19,7
Не приспособились, но готовы терпеть	32,4	38,9
Не принимают новые условия жизни и готовы протестовать	32,7	35,5

2,9% стали сдавать квартиру, 6,2% указали на другие способы решения своих проблем. Из приведенных данных видно, что хотя доминирует пассивный способ использования социально-экономических ресурсов (например получение дохода от сада, огорода), постепенно получают распространение мобилизационный и креативный способы. Последний, впрочем, характерен не более, чем для 10% респондентов. Картину дополняет распределение ответов на вопрос: "В какой мере вам удалось приспособиться к новым социально-экономическим условиям?" (см. таблицу 3).

Прежде всего выделяется хорошо адаптированная группа. Однако, как свидетельствуют наши исследования, ее численность в 1995 году по сравнению с 1994 годом сократилась. Также сокращается, хотя и незначительно, группа, включающая тех, кто начал приспосабливаться и рассчитывает на успех. В то же время растет число неадаптированных, таких насчитывается около 65% населения, т.е. практически столько же, сколько тех, кто выбирает "патерналистскую" модель развития общества в качестве идеальной.

Лишь половина тех, кто не вписался в новые условия, готовы и дальше терпеть снижение жизненного уровня, другая половина готова к активным протестам. Такая картина говорит, во-первых, о наличии определенного кризиса адаптационного процесса и, во-вторых, о смене доминирующих политических ориентаций. Исследования, проводившиеся в предшествующие годы, свидетельствовали о некотором затухании политической активности как сторонников, так и противников реформ. На смену ей, казалось, шло стремление либо адаптироваться к новой ситуации, либо "уйти в семью". И вот опрос 1995 года свидетельствует о том, что политическая активность вновь выросла. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует и готовность значительной частью общества (17,2%) принять силовые методы разрешения социально-политических и даже социально-экономических проблем.

Еще одно основание для дифференциации адаптационных моделей - *тип используемых социально-экономических ресурсов*. Здесь выделяются:

- социальная активность (мобильность) индивида;
- человеческий капитал индивида (образование, квалификация);
- финансовый, товарный капитал, земельная рента;

- социальный капитал (место индивида в системе социальных институтов, уровень влияния и связей в этой системе, понимание социокультурных сигналов и норм, поддерживающих хозяйственные и иные социальные взаимодействия, обеспечивающих возможности их использования для достижения индивидом своих социально-экономических и социально-политических целей)².

Результаты наших исследований позволяют увидеть, какие типы социально-экономических ресурсов респонденты считают наиболее эффективными. Реализуемый тип социально-экономических ресурсов определяет сам механизм адаптации. Если он основан на использовании человеческого или социального капиталов, можно допустить, что процесс адаптации достаточно устойчив и эффективен. Наши исследования свидетельствуют, что первое место по значимости респонденты отдадут дружеским и

² Наше определение социального капитала является определенным расширением данного понятия, впервые введенного Г. Лури и развитого Д. Колеманом. Это расширение было осуществлено с учетом результатов исследования отечественных трансформационных процессов и задач понимающей экономики.

родственным связям (т.е. социальному капиталу), которые помогают устроиться на хорошо оплачиваемую работу. На втором месте наличие первоначального финансового капитала, позволяющее открыть свое дело или войти в чужое. Лишь третьей по частоте упоминаний оказалась имеющая спрос профессия (т.е. ликвидный человеческий капитал).

Такой фактор, как "знание и опыт" (т.е. потенциальный, но не имеющий спроса человеческий капитал), занял последнее место в иерархии факторов, определяющих, по мнению респондентов, успех адаптации. В ответах на этот вопрос отразился реальный отрефлексируемый опыт людей. Вряд ли можно рассчитывать на расширение процесса адаптации, если в ее основе лежат иные, чем профессионально-квалификационные, основания. Ведь освоение ликвидного социального капитала уже практически исчерпано в ходе процесса приватизации и всего начального этапа экономических преобразований. Основная его масса в условиях искусственного занижения стоимости промышленного капитала успешно, т.е. по очень выгодному для его обладателей курсу, конвертировалась в финансовый капитал и иные формы собственности.

Анализ ситуации позволяет заключить, что в настоящее время завершается первая стадия адаптационных процессов. Она характеризуется появлением значительных групп населения, которые сформировали продуктивные модели социально-экономического поведения и способны действовать с опорой на собственные возможности и ресурсы. Однако существенная часть населения еще не выработала сколько-нибудь устойчивых и успешных моделей своего социально-экономического поведения, хотя стремится решить задачу приспособления к рыночным условиям.

Определились и контуры социальных аутсайдеров. Значительная их часть смирилась со своим неблагоприятным положением, сложившимся как по объективным, так и по чисто субъективным причинам (заниженные притязания, социальная пассивность). Другая часть населения, не нашедшая своего места в рыночной экономике, готова протестовать против проводимой политики, которая, по их убеждению, и явилась причиной их бедственного положения.

Затянувшийся экономический кризис, втягивание ряда отраслей и регионов в длительную хозяйственную стагнацию наряду с явными просчетами в социальной и экономической политике приводят к тому, что безуспешными оказываются энергичные попытки значительной части населения решить свои экономические проблемы самостоятельным трудом, талантом и инициативой. Это подрывает социальную базу экономических преобразований, дестабилизирует обстановку и ослабляет возможности продвижения по пути реформ. Существенно ослабленными оказываются многие виды трудовой мотивации. Это сужает возможности преодоления кризиса в промышленности и сельском хозяйстве.

Можно указать на ряд взаимосвязанных факторов, которые в наибольшей степени влияют на социальную ситуацию в переходный период и создают предпосылки торможения реформ:

- несложившаяся социальная структура в условиях роста противоречий между профессионально-квалификационным и образовательным уровнями людей, их местом в системе общественного воспроизводства, с одной стороны, и размерами собственности и дохода, а также социальным престижем - с другой;
- неотстоявшиеся, неадекватные (завышенные или заниженные) социально-экономические притязания различных слоев и групп населения;
- размытая система ценностей и норм, отсутствие ценностной системы, признаваемой большинством населения в качестве нравственной опоры жизнедеятельности и одновременно выступающей в качестве регулятора социального действия, являющейся основой для функционирования системы социально-государственных институтов.

Все обозначенные противоречия свидетельствуют об отсутствии адекватного новым условиям механизма макросоциализации, который был бы способен поддерживать и подкреплять перспективные модели социального действия, нивелировать неэффективные и подавлять асоциальные модели поведения.

Это означает, что в российском обществе отсутствует прочная база для стабильного функционирования социальных институтов и лояльной социальной динамики. В западных обществах она представлена "средним классом", социальное положение и социально-экономические интересы которого превращают его в опору наличного социального порядка.

Элиты как субъект трансформации

Сопоставление представлений "верхов", принимающих решения на макроуровне, с представлениями социальных слоев и групп, осуществляющих эти решения на микро- и мезоуровнях, позволяет оценить меру произошедших изменений, ту стадию трансформации, на которой находится отечественная экономика. Это открывает возможности для трезвой оценки существующей ситуации, что, в свою очередь, может уберечь от забегания вперед в институциональных аспектах экономической политики, если они не подкреплены реальными переменами в ключевом звене хозяйственной жизни.

В данной связи целесообразно посмотреть, каков сегодня субъект трансформации или - в более привычной постановке - субъект реформ. Представления о нем лежат как бы между крайностями волюнтаризма: с одной стороны, верой в способности лидера-реформатора реализовать любые "прогрессивные" реформы вне или вопреки социальному контексту, с другой - нивелированием роли субъекта, ориентацией на исторический процесс, который все равно "возьмет свое" в ходе взаимодействия различных социальных сил и проложит дорогу реформам. Уход от обеих крайностей предполагает выстраивание представления о процессе реформирования как о сложном взаимодействии субъекта (целенаправленного или хотя бы сколько-нибудь рационализированного) с социальной средой, выступающей социальным контекстом реформ.

Необходимым условием становления новой институциональной системы является складывание новых этических норм, социальных ценностей, формальных и неформальных правил, выступающих регуляторами соответствующих социальных, хозяйственных и политических отношений. Вполне очевидно, что ключевые решения реализуются сегодня в довольно определенном социальном слое, который хотя и не вполне самоидентифицирует себя в качестве элит, но способен (как это видно из общения с представителями соответствующих групп, анализа материалов их устных и печатных выступлений) достаточно четко отграничивать себя от внеэлитной среды.

В смысле выше охарактеризованных моделей адаптации можно сказать, что элиты характеризуются:

- прагматически-рамочным способом осознания социальной реальности, так как в своем большинстве способны соотносить реальность с некоторыми моделями социального развития;
- креативным способом использования социальных ресурсов на основе создания новых моделей социального действия, комбинированием различных имеющихся в их распоряжении ресурсов;
- главным ресурсом, преимущественное использование которого составляет отличительную особенность элит, является социальный капитал.

Это обстоятельство следует оговорить особо. На предшествующем историческом этапе социальный капитал при отсутствии институционализированного финансового и промышленного капитала был главным фактором, определявшим характер экономического развития. При этом социальный капитал был монополизирован так называемой номенклатурой. Ключевые социальные, экономические и политические взаимодействия могли осуществляться лишь по нормам и каналам, действующим в соответствии с неписаным, но очень четким номенклатурным порядком, составлявшим ядро всего социального порядка.

В условиях крушения всей системы номинальных институтов социальный капитал оказался единственным функционирующим фактором экономики. Становление нового экономического порядка началось при доминирующем влиянии собственников социаль-

ного капитала. В этой связи существенной чертой переходного периода стало превращение номенклатуры в элиту. К последней можно отнести те социальные группы, представители которых смогли конвертировать свой социальный капитал в легальные власть и собственность, а также приобрести в ходе перемен значимые социальный капитал, политическую власть или собственность.

В силу своего положения, связанного по определению с принятием стратегических решений, элиты выступают либо субъектом непосредственного принятия ключевых решений на федеральном, региональном или корпоративном (часто даже на прежнем отраслевом или ведомственном) уровне, либо являются частью непосредственного окружения, референтной группой лиц, принимающих соответствующие решения. Подобная генерирующая, целезадающая функция элит в рамках системы разнообразных социальных институтов, во-первых, обеспечивает поддержание статуса элит; во-вторых, обеспечивает динамику социального развития в той мере, в какой соответствующий импульс становится реальным элементом функционирования институтов, т.е. регулятором социальной деятельности. Это означает, что именно элиты осуществляют институциональную функцию целеполагания. Поэтому представления элит относительно целевых ориентиров социального развития могут служить важным индикатором трансформационных ориентаций, направлений реального реформирования.

Существенным фактором воздействия элит на процессы институционального функционирования являются "фильтрация", переинтерпретация целеполагающих устремлений, возникающих в социальных институтах, регулирующих важнейшие социально-экономические и политические процессы. Те или иные позиции, выдвинутые в качестве целей одной из элитных группировок, попадают для обсуждения и исполнения в первые или вторые эшелоны элит. Если они отвечают устремлениям и интересам этой среды, они могут быть восприняты, подкреплены функциональными и инструментальными средствами, превратиться в реальные средства социального регулирования.

Велика роль элит в осуществлении социальными институтами функции реальной легитимации (в понимании М. Вебера), поддержания социального порядка. Выдвигаемые ими представления об этом порядке зачастую и становятся образцами легитимного порядка, закрепляемого номинальными средствами легитимации. Социальный порядок поддерживается уже не только собственными ресурсами элит, но и всей системой социальных институтов. При этом элиты стоят на страже порядка, поскольку его нарушение затрагивает прежде всего их ценности и представления о "нормальном порядке".

Реализация элитами институциональных функций связана с уровнем их социальной сплоченности. Расколотые элиты, т.е. утратившие общность своих интересов, единство ценностного и мотивационного контекстов, выдвигают в рамках функционирования социальных институтов разнородные, зачастую противоречивые требования, "разрывая" на части эти институты, задавая разнонаправленные сигналы и импульсы социальным субъектам, дезориентируя их в институциональном пространстве.

В результате блокируется сколько-нибудь устойчивое функционирование системы социальных институтов, открываются возможности для их дезинтеграции, реализации локальных и частных интересов при использовании общих ресурсов соответствующих социальных институтов. Одновременно блокируются процессы адаптации, так как социальные субъекты теряют ориентацию на сколько-нибудь устойчивые ценности, нормы и модели социального действия. С расколотыми элитами уже невозможна реализация функций целеполагания, подрывается реальная легитимация. Одновременное функционирование в рамках социальных институтов различных социально значимых (в силу поддержки влиятельными группировками элит) представлений о социальном порядке делает равно нелегитимным любой наличный порядок, открывая дорогу оправданию асоциальных действий. Эти обстоятельства делают проблему сплоченности элит одной из ключевых для понимания их субъектной роли в трансформационных процессах и перспектив реформ.

Институциональный кризис

Характер и направленность процесса трансформации связаны с функционированием политических и социальных институтов, которые, во-первых, по-прежнему регулируют социальные, экономические и политические отношения в обществе, а во-вторых, сами являются объектом реформирования. Потребность в реформировании социальных институтов появляется тогда, когда общество, и прежде всего влиятельные, обладающие значимыми ресурсами группы, приходят к убеждению, что соответствующие институты более не способны осуществлять свои функции адекватно новой социально-экономической реальности.

Необходимо различение номинальных институциональных установлений и реальных социальных регуляторов, ценностей и норм, которые в своем объективированном виде и являются реальными социальными институтами. Здесь одинаково опасны крайности, связанные как с абсолютизацией номинальных установлений, безоговорочным признанием за ними реальной легитимации, так и с нигилизмом, отрицанием вклада номинальных установлений в регулирование. Наличествующий институциональный кризис имеет сегодня следующие проявления.

Во-первых, усугубляется расхождение между декларированными гуманитарными целями реформирования общества и реальной практикой реформ, поставившей значительную часть населения в объективно, а главное, субъективно худшее положение, чем то, которое они имели в дореформенный период.

Во-вторых, реализуемые значительными по численности и статусу группами населения модели социально-экономического поведения входят в противоречие с институциональными установлениями и традиционными для российского общества нормами и санкциями.

В-третьих, падение значения институциональных установлений распространяется не только на деятельность хозяйственных субъектов, но и на повседневную жизнь людей, которые все меньше рассчитывают на поддержку и защиту соответствующих институтов. В результате мы имеем социально-экономическую дезинтеграцию, кризис трудовых мотиваций и распространение деструктивных форм поведения.

В-четвертых, неадекватность институциональных установлений приводит к имитации функционирования самих институтов. Имитационные процессы практически находятся вне поля исследования. Между тем исследования (в частности углубленные интервью, проведенные Г. Кунцманом с депутатами Совета Федерации Федерального Собрания России) показывают, что, по мнению респондентов, властные группы, не имеющие стратегических ориентаций, руководствуются набором мифологических представлений относительно происходящих в стране изменений, а также касательно предназначения и характера собственной политической деятельности. И последовательно имитируют соответствующие виды деятельности. В результате падает доверие населения ко всем институтам общества, что еще более обостряет процесс его дезинтеграции.

Неадекватность функционирования ключевых институтов приводит к серьезным дисфункциям общества, к распаду системы его органичного воспроизводства, к формированию глубокого социального конфликта, являющегося либо толчком к реформам соответствующих институтов, либо перерастающего в революционный слом всей системы регуляторов с последующим становлением новой институциональной системы на обломках прежней. Опыт социально-экономического развития страны начиная с 1992 года, на наш взгляд, говорит о целесообразности и возможности эволюционного разрешения институционального кризиса, т.е. без разрушения функционирования соответствующих социальных институтов.

Для этого складывающаяся перспективная институциональная среда должна отвечать двум требованиям. Во-первых, реализуемые ею модели функционирования в целом должны соответствовать или по меньшей мере явно не противоречить "ядру" нормативных представлений о регулировании общественных процессов, сложившихся у основных субъектов экономической и политической жизни. В противном случае

будет происходить процесс "отторжения", "блокировки" номинальных институциональных установлений.

Во-вторых, формируемые институты могут предъявлять к своим субъектным элементам примерно такой уровень содержательных требований, который потенциально может быть реализован. Иначе между нормативными требованиями, с одной стороны, и реальными ценностно-этическими и профессионально-квалификационными возможностями - с другой, возникает "зазор", который будет "заполнен" либо бессмысливающей имитацией содержательной деятельности, либо различными формами деструктивного поведения.

Необходимым условием становления новой институциональной системы является складывание новых этических норм, социальных ценностей, формальных и неформальных правил, выступающих регуляторами соответствующих социальных, хозяйственных и политических отношений. Именно трансформация социальных институтов обнажает социокультурный фундамент реформ в связи с происходящей в рамках этого процесса сменой доминирующих, реально регулятивных, а не декларируемых ценностей, норм и установлений.

Таким образом, в качестве условия устойчивого социального развития должна рассматриваться *реморализация*, т.е. продвижение в сторону формирования системы общезначимых для большинства населения социальных ценностей. Выработка и усвоение эффективной системы санкций являются одним из важнейших факторов преодоления процесса дезинтеграции общества. Мера интеграции общества на основе общезначимой системы ценностей определяет способность этой ценностно-этической базы выступать реальным регулятором социальной деятельности. Речь идет именно об аксиологическом, а не идеологическом основании регулирования социального поведения. Попытки заменить систему внутренних и внешних мотиваций различного рода идеологическими конструкциями и мифологемами приводят, как мы реально наблюдаем, лишь к дальнейшей дезинтеграции общества.

Оставаясь в чисто институциональных рамках теоретизирования, можно представить себе гипотетические пути преодоления описанного институционального кризиса. Продвижение по пути реалистических рыночных реформ предполагает, что ключевыми проблемами на этом пути являются, во-первых, адаптация субъектов хозяйственной жизни к номинальным институциональным нормам, превращение их тем самым в реальные регуляторы и, во-вторых, определенная корректировка номинальных регуляторов, с тем чтобы не создавать слишком зияющих противоречий между номинальными и реальными регулятивами, не блокировать процесс адаптации.

© И. Дискин, Е. Аврамова, 1997